

В день солнцестояния открываются самые темные тайны

Королева Лета, умри

Любовь Минеева

Русреал-детектив

Любовь Минеева
Королева Лета, умри

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Минеева Л.

Королева Лета, умри / Л. Минеева — «Эксмо»,
2026 — (Русреал-детектив)

ISBN 978-5-04-249685-1

Детективный триллер в сеттинге мрачного русреала. История для поклонников фолк-хоррора «Солнцестояние», где тайны прошлого оказываются страшнее местных легенд. Во время праздника солнцестояния в деревне Юмаково жестоко убивают Королеву Лета. Студентку, которой уже несколько лет подряд достается роль языческой богини, благословляющей посевы. Ее находят повешенной на школьном крыльце с многочисленными ножевыми ранениями, словно после пыток. Той же ночью пропадает другая девушка — выпускница школы. Договорившись сбежать в город вместе с парнем после праздника, она так и не появилась на месте встречи. Люди шепчутся о призраке Плачущей Эльзы и вспоминают страшилку о «девичьем пожаре». Однако местные легенды — вовсе не выдумка, а ужасающие секреты прошлого, которые могут стоить жизни...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249685-1

© Минеева Л., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Любовь Минеева

Королева Лета, умри

© Минеева Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

Двадцать девять лет назад случился ее исход.

Она вышла из леса, перестав прятаться. Из темного, дремучего леса, где она прожила больше месяца. Дней она не считала, но луна успела дважды округлиться до полноты. Она жила в заброшенной лесничей хижине, питаясь едва созревшими ягодами, рыбой и тощими кроликами, которых удавалось поймать. Она прожила бы там все лето и дольше, но Охотник, который нашел ее, смог убедить, что огненные демоны ушли, бояться больше нечего.

Охотник привел ее в свой аул, она покрылась, приняв ислам, и никогда не снимала платок, если рядом был хоть кто-то чужой. Не из-за истовой веры. Она боялась, что ее найдут и сожгут. Как сожгли всех ее подруг тогда, в страшную ночь солнцестояния. Всех – в одну ночь.

Каждый год воспоминания душат ее, как только приходит время летнего солнцеворота. Бесконечно долгий день, когда нет конца страху и она теряет связь с реальностью, ожидая возвращения страшной ночи. Но приходит благословенное утро, и все снова становится на места. Она идет доить коров, сбивать масло, распекать внуков и язвить невесткам. Шестерых сыновей подарила она своему Охотнику, двое умерли, не прожив и года, двое уехали в город, и двое остались рядом, построив себе дома по обе стороны от старенькой хибарки родителей. Двор был общим, общей была и «саманка» – летняя кухня, так что внуки и невестки постоянно путались под ногами, но она все равно их любила.

Но зимой ее Охотника не стало, и страх перед огненными демонами скрутил ее, едва наступило время посевных и в местный колхоз приехали сезонные работники. Чем ближе был самый долгий день, тем сильнее опутывал ее страх.

И сегодня это произойдет. Она чувствует запах гари. Демоны вернуться, чтобы забрать отступные паленым мясом. Сегодня случится страшное – и наступят черные времена. Как тогда, когда она в ужасе бежала все глубже в лесной мрак.

– Бабушка Нафиса!

Кто-то зовет ее, настойчиво, умоляюще. Если пойти на голос – вернешься в реальность, может, и страх немного отступит. Но сил идти не было.

– Ол-эсей¹, бабушка Нафиса!

Айсылу, внучка, ее любимица. В голосе – слезы.

– Оставь ты ее, кызым². Каждый год одно и то же, Алла-сакласын³!

Невестка уводит дрожащую девочку с крыльца, и она снова остается дежурить одиноким извоянием, устремив немигающий взгляд в зелень июньских полей. Быть беде.

* * *

Дискотека в клубе набирала обороты, девчонки восторженно голосили, едва слышав звуки очередного хита, ребята сбивались в кучки, втихаря посасывая пиво, и даже молодые училки, поставленные наблюдать за порядком, болтали между собой, смеялись и пританцовывали, не особенно обращая внимания на происходящее. И над всем этим праздником жизни царил, разумеется, Таня Япрынцева.

Леня Плетнев стоял отдельно от всех, подпирая стенку и наблюдая за «королевой». Так ее прозвали за роль Королевы лета, которую она уже года три подряд, из праздника в праздник, играла на деревенском фестивале в честь Дня земли. Станный полуязыческий обычай давно

---

¹ Бабушка (башк.).

² Доченька (башк.).

³ Да хранит тебя Аллах (тат.).

уже не смущал жителей Юмаково и для Леньки был в порядке вещей – он здесь родился и вырос. Но вот для Майи, которая переехала сюда меньше года назад, как раз в конце прошлого лета, этот праздник показался дикостью. На самом деле похожие фестивали проходили едва ли не в каждом селе, только назывались иначе – сабантуй⁴. Праздновали успешное завершение полевых работ, возможность передохнуть до сенокоса. На таком сабантуе собирались жители со всего района. Выбирали поле поровнее и попросторней, ставили лотки, нарядные юрты, где угощали чаем из самовара и сладким баурсаком⁵, проводили состязания – курэш⁶, борьба на поясах, конские скачки, тут же ставили сцену для местных артистов. Гулянье продолжалось целый день, а вечером все разъезжались по домам.

Но Юмаково почему-то стояло особняком, предпочитая устраивать свой фестиваль, назвав его Днем земли и приурочив к летнему солнцестоянию. Все то же самое: и детский ансамбль из местной музыкальной школы со своим неизменным «Танцем пчелок», и пляски парней в костюмах джигитов, и соревнования борцов из юмаковской спортшколы. И конечно, шоу Тани Япрынцевой, короткий спектакль, в ходе которого Таня, в образе языческой богини славянского вида с пышным венком на голове, величественно благословляла будущий урожай, символически представленный связкой искусственных колосьев да горкой пластиковых овощей.

После представления взрослые шли в колхозную столовую на банкет и награждение выдающихся работников, а молодежь – отсыпаться перед дискотекой.

На которой Таня теперь и отплясывала в кругу своих фрейлин, так и не сняв сценического костюма.

Цветки в венке поникли, а подол красно-белого пышного сарафана запылчился. И все равно она приковывала взгляды. Лёне захотелось сплюнуть от злости. Он знал, что она специально не сменила одежду, чтобы быть в центре внимания.

– Танька – красotka, конечно, – бухнул Степа Абрамов, пристраиваясь рядом с другом. – Видал, как извивается? Как стриптизерша у шеста.

– Ничего особенного, – пробормотал Ленька. – Нашлась уж стриптизерша. Ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок, – злобно добавил он громче.

Степка загоготал.

Степа – его самый близкий приятель, они учились в одном классе все одиннадцать лет, вместе поступили в ветеринарный колледж в Бишево и уже отсидели там первый из трех курсов. Впрочем, это не было их осознанным выбором – просто деваться особо некуда. Колхоз выделил несколько целевых направлений, им тоже досталось, вот и пришлось идти. Совершенно не туда, куда Леньке на самом деле хотелось.

– У цыганочки твоей, определенно, получше будет, факт!

Это он про Майю.

– Замолкни.

– Бероева-то она снова отшила. Танька. Слыхал? Он к ней и на тачке, и с цветами, а она – ни в какую!

– Не иначе, для тебя себя бережет.

Степка снова засмеялся, но уже натянуто. Подкол засчитан. Это ему за оценку Майиной фигуры, идиоту. Ясное дело, никакая Япрынцева им не светит. Им обоим. Только Степка, как дурак, продолжает надеяться. А Леня решил, что синица в руке – это, в общем-то, лучше, чем ничего.

---

⁴ Сабантуй – древний татарский и башкирский народный праздник, знаменующий окончание весенних полевых работ. Название переводится как «праздник плуга». Праздник включает народные гуляния, песни, танцы.

⁵ Баурсак – традиционное блюдо башкирской кухни, кусочки теста, жаренные во фритюре.

⁶ Курэш – древняя тюркская национальная борьба на поясах (или полотенцах), где соперники стремятся бросить друг друга на спину.

Что-то опаздывает его синица.

Он отвел взгляд от Япрынцевой и сделал глоток из маленькой бутылки с колой. Бутылкой угостил тот же Абрамов, и кола была так щедро разбавлена самогонкой, что у Ленки перехватило дыхание. Напиваться в его планы не входило, но чуть-чуть смелости сегодня точно не помешает.

– Пле-е-етень! – услышал он над ухом и поморщился. Его раздражала эта кличка, состряпанная из фамилии и рифмующаяся с «плесень». – Привет!

Сашка Бондарева, соседка, в детстве они частенько гоняли вместе на великах или ходили на речку. Но Сашка как-то быстро выросла, и уже в классе седьмом догонялки и велики стали ей не так интересны, как взрослые ребята, выпивка и сигарета за заброшенными сараями, – и дружба закончилась вместе с детством. В девятом классе чуть ли не каждый Ленкин одноклассник похвалялся, что переспал с Бондаревой. У Ленки от таких откровений горели уши, но еще обидней было за Сашу. Хоть они и не дружили больше, но она продолжала улыбаться ему, всегда здоровалась и спрашивала, как дела. «Совместное купание в огородной бочке роднит», – думал Ленка, но все равно старался поменьше попадаться ей на глаза. Подмоченная репутация заразная, точно грибок.

– Чего скучаешь? Айда с нами на станцию, клуб в двенадцать закроют уже!

«Станцией» называли полузаброшенный железнодорожный вокзал, где собиралась Сашкина компания.

– Да не, другие планы.

– Майку, что ль, ждешь?

Майка и Плетень, замечательная парочка.

– Майю, да, – нажав на имя подруги как на клаксон, ответил Леня.

– Так она уехала вроде?

Музыка долбила так, что приходилось кричать друг другу в уши. Леня подумал, что ослышался.

– Чего?

– Уехала она! Мы ее встретили у мотеля, шла к объездной! В город, наверное, покатила, к бабке своей.

Пару секунд Ленка переваривал информацию, чувствуя, как холодеет нутро. Потом грязно выругался, сунул Сашке бутылку с самогонным коктейлем и бросился из клуба, расталкивая плечами всех, кто стоял на пути.

– Крышак поехал на этой Майе, что ли, – пробормотала Саша и приложила к бутылке.

* * *

«Дура, дура, дура...» – билось у Ленки в мыслях, пока он бежал по деревне. «План провалился, план провалился...» – нашептывала дорога под ногами.

Она все перепутала.

Договор был такой: после праздника, пока взрослая часть деревни сидит в столовке на банкете, а другая – отсыпается перед дискотекой, они с Майей по отдельности, чтобы не спалиться, прячут рюкзаки в трубе у объездной дороги. Вечером на дискотеке дружно светят фейсом, ни у кого не вызывая подозрений, а потом тихонько сваливают – в одиннадцать вечера, как раз к последнему автобусу на Арслан. Автобус ехал из Кумера и тормозил у мотеля, официально обозначавшего единственную юмаковскую остановку. Так что неудивительно, что Саша, встретив Майю в переулке у мотеля, подумала, что та «уезжает». Майя, видимо, забыла, что они договорились помелькать в клубе, а потом уже сбежать. Сбежать вдвоем, навсегда из этого захолустья. Сначала в Арслан, а дальше... а дальше – огни большого города и сплошные мечты! Родные спохватятся не раньше завтрашнего утра, думая, что они загулялись – для лета это

норма, уже не раз они торчали на реке с другими ребятами до самого рассвета. А тут тем более – праздник. Ну а к утру их уже и след простынет. Ищи-свищи. В общем-то, еще не все потеряно, если Майя ждет его там, у мотеля.

Когда Ленька подбегал к перекрестку, где тоненькая ниточка юмаковского проулка вливалась в черную гудящую жилу федеральной трассы, ему показалось, что у самой дороги мелькнул девичий силуэт, и он даже будто разглядел красное платье, в котором Майя была сегодня на празднике. Но подойдя ближе, Ленька признал, что ему померещилось. Изредка пролетали машины, у мотеля стояла пара грузовиков, на летней террасе за пластиковым столиком курили дальнбойщики. В остальном было тихо. Мотель – длинный узкий домина с десятком номеров, серый червь, присосавшийся к двухэтажному строению, где располагались кафе с караоке, сауна, продуктовый магазин и собственно офис, – молчаливо тонул в летних сумерках. Ленька, стараясь держаться тени, прошмыгнул к самой трассе, которая теперь гудела над правым ухом, и пошел вдоль высокой насыпи. Огромная, в человеческий рост, труба пронзала дорогу насквозь и могла бы даже служить пешеходным переходом, если бы на той стороне дороги было хоть что-то интересное.

Рюкзак, который он припрятал тут днем, лежал на месте. И ничего не говорило о том, что Майя приходила сюда.

* * *

Дискотека и впрямь окончилась в двенадцать. Когда врубили свет и завклубом призвала всех расходиться по домам, девчонки недовольно загалдели.

– Мы же пойдем на речку? – спросила Неля, считавшаяся лучшей подругой и первой фрейлиной в свите «королевы».

В последнее время Таня все чаще проводила вечера в другой компании, с кем именно – Нелька только догадывалась, сама же Таня загадочно улыбалась и пожимала плечами. Как будто своих пацанов не хватает, ей-богу! Нелька злилась и вымещала злость на окружающих – тех, кто не мог ей ответить. На Майе Дьячковой, например. Утром в школе, где их собрали перед отправкой на праздник, узнав, что Таня накануне опять путалась с таинственным ухажером, Нелька не отказала себе в удовольствии отпустить пару колких шуточек в адрес Майи, унизив ее перед всей компанией. Сиротинка несчастная. И что Плетень в ней нашел?

– Да, но мне надо переодеться, – ответила Таня, оглядывая свой пышный сарафан. – В этом на речке неудобно, да и порвать боюсь. Мне же его еще возвращать в музыкалку.

Наряд Тане одолжил местный ансамбль народных танцев.

Для переодевания придется идти в школу, так как собирали Таню там, в кабинете русского языка. Наряжали, завивали, красили, укрепляли венок и так далее. Благо школа располагалась напротив клуба.

Выбравшись из ДК, Нелька подметила, что практически все, кто был на танцах, идут за клуб и в переулок – в сторону речки.

– Девчонки, дуйте на наше место, а то столько народу прется, потом не найдем, где присесть. Займите наши бревна и никого не пускайте. Костер пока разведите, мы скоро придем. Только, чур, без нас не начинайте!

Аленке Богдановой, конечно, удалось слить целый литр самогонки из родительских запасов, но Нелька все равно переживала, что не хватит. А выпить хотелось до смерти. Вечер только начинается.

Девчонки, привыкшие подчиняться Нелькиным командам, влились в толпу и вскоре растворились в темноте. Центр внезапно опустел, последние стайки молодежи растекались во всех направлениях: к реке, к станции, к мотелю – старшие, у которых водились денежки на кафе, или же по домам – младшие, у которых «горшок свистел».

– Идем?

Взявшись за руки, подружки перебежали через дорогу и, скрипнув калиткой, вошли в школьный двор. Непривычный, темный, таинственный, с шепчущими акациями и запахом ночной фиалки, который пьянил и дурманил голову. На первом этаже горел свет, второй и третий – тонули во мраке, два больших окна освещали крыльцо с четырьмя колоннами, выкрашенными в зеленый цвет, между которыми стояла пятая – такая же толстая, но пониже – сторожиха баба Ляля.

– Чего шастаем тут?

– Это я, Таня Япрынцева. В класс – переодеться.

– Дык раньше надо было, закрыта школа, никого нет. Как я тебя пущу? Или с тобой таскаться, следить, чтоб ты ничего не сперла? А мне потом отвечай!

– Да ничего она не сопрет, что несете! – огрызнулась Нелька. – Быстро переоденется и выйдет.

– Мне буквально на пять минуточек!

Возмущенно посопев, баба Ляля махнула рукой:

– Идем уж, так и быть. Но только на пять минут! А ты куда собралась? Тут подождешь!

Нелька уже хотела закатить скандал, но Таня предупреждающе взяла ее за руку:

– Да ладно, чего время на ругачку тратить! Что я, сама не переоденусь, что ли?

И они со сторожихой скрылись за дверями школы. Не успев придумать самую страшную месть для вредной бабки, Нелька отвлеклась на мобильник. Звонила старшая сестра.

– Мама с отцом дома.

– Да ладно? Уже?

Надежды на веселые посиделки у реки рухнули в один миг. Родители не отличались особой строгостью, но насчет Дня земли у мамы пунтик, объяснения которому Нелька найти не могла: сиди дома – и все тут. Она-то рассчитывала, что родаки побудут на банкете значительно дольше!

– Вроде собираются к соседям, продолжать праздновать. Приди, отметься, потом сможешь свалить втихаря, – сказала сестра.

Неля слишком обрадовалась неожиданному совету, прежде чем понять, что получать такие преступные наставления от взрослой и рассудительной Залии было странно.

– Бегу!

Сестра положила трубку, а Неля с нетерпением бросила взгляд на дверь. Сомневалась она не дольше секунды. Разблокировав телефон, быстро набрала сообщение: «Надо сгонять домой, иди на речку, там встретимся» и рванула в сторону дома.

Уже на углу, заворачивая за школьный двор, она заметила в тени деревьев на другой стороне улицы странную фигуру. Высокая женщина, укутанная в черное покрывало, точно монахиня, неподвижно стояла напротив школы. До Нельки донесся призрачный, как ветер, горестный вздох. А потом женщина всхлипнула.

Плачущая Эльза!

Ужас, порожденный страшилками о местном чудовище, едва не свалил Нельку с ног. Плачущая Эльза! Она несет проклятие всем и каждому, кто посмотрит ей в лицо! А лицо ее все источено тленом и изъедено лисами, потому что она – покойница, проклятая покойница! Вот уже сотню лет она мыкается, неприкаянная, ищет утешение, попутно сея страх и беды.

Нелька, не в силах даже кричать, издала сипящий звук и кинулась в сторону дома. Вот это номер в День земли! Плачущая Эльза явилась – не жди ничего хорошего!

* * *

На ходу отцепляя тяжелый венок, Таня поднялась на второй этаж. Здесь царствовал мрак, а где искать выключатели, Таня понятия не имела. Хорошо, что школу она знает как свои пять пальцев, да и глаза быстро привыкли к темноте. Дверь в класс была не заперта, и здесь-то уж точно можно было включить свет. Нашарив язычок, Таня щелкнула выключателем – и ничего. Тьма не среагировала, оставаясь полной.

– Что за фигня, – пробормотала Таня и на ощупь двинулась между рядами парт. Ее вещи где-то там, в начале, свалены на широкий учительский стол.

И тут она замерла, почувствовав, что холодеет, охваченная первобытным ужасом. Фигуры в черном. Сидят за передними партами, лицом к доске, как будто так и надо. Силуэтов шесть, не меньше. Да быть не может, это обман зрения, игра теней!

– Кто здесь? – прохрипела она в страхе.

И фигуры начали поворачиваться – медленно, одновременно.

Голос внезапно вернулся, и Таня завизжала, в ту же секунду почувствовав, как сотни рук схватили ее, вынырнув из темноты.

Баба Ляля, сидевшая в подсобке на первом этаже, услышав этот нечеловеческий крик, полный животного ужаса, удовлетворенно крякнула и, бряцая связкой ключей, направилась к выходу.

Глава 2

Проторчав у трассы больше часа, Ленька решил вернуться в центр, на дискотеку.

Нашел кому верить – Бондаревой! Которая с самого праздника закладывает, он же лично видел, как они с Камиллой Кабириной, Майиной двоюродной сестрой, замахивали «сэм» из пластмассовых стаканчиков, спрятавшись за рядом юрт. Как будто на Дне земли можно было от кого-то спрятаться. Короче говоря, Сашке могло и померещиться, и Майя все поняла правильно, пришла в клуб, а его там нет. Как в дурацком анекдоте, ей-богу. Чего она только на звонки не отвечает? Не слышит, что ли?

Деревня будто вымерла. В окне кафе при мотеле мелькнули тени, но тут же скрылись в глубине полумрака. Тамошняя компания совсем не Ленькиного круга – взрослые ребята, давно уже не студенты, в отличие от него, имеющие бабки на дорогой алкоголь и развлечения в виде караоке и танцев. Ленька, конечно, пару раз сводил туда Майю на свидание – для порядку, так сказать. Пойти в Юмаково особенно некуда, тем более зимой, когда они только начали встречаться. Ни ему, ни ей там не понравилось, слишком много пафоса, высоких цен и презрительных взглядов завсегдатаев, которые так и шипели в их сторону, мол, а эти-то щеглы че тут делают? В общем, не стоило оно того. Когда на голяк он предложил Майе сходить туда в очередные выходные, она нежно улыбнулась и предложила погулять на свежем морозном воздухе, а потом погреться в заброшенном ангаре картофелехранилища. Зимой он служил местом сбора юмаковской молодежи – той, что попроще, типа Леньки, Степки, Камилы и остальных. Посреди заброшки разводили костры, пили дешевый алкоголь и жарили сосиски на погнутых шампурах. Романтика та еще, в общем. Ленька эти сборища тоже не особо жаловал, но надо же было где-то встречаться.

Кафе и мотель остались позади, и он уже проходил мимо одноэтажного здания правления СПК, юмаковского сельскохозяйственного производственного кооператива – колхоза, как все называли его по привычке. Правление темной и приземистой глыбой плыло по правую руку, рокот сверчков перекликался с шелестом его шагов, но тишина все равно побеждала. Поэтому Ленька сразу услышал странный звук, который никак не вязался с шумом и шорохами летней деревенской ночи. Сдавленные хрипы. За поворотом, в тесном проулке кто-то то ли рыдал, то ли стонал.

Там любовь или страдания? Ленька неуверенно замедлил шаг, раздумывая, не перейти ли ему на другую сторону улицы, – ни в первом, ни во втором случае свидетели тут явно ни к чему. Однако любопытство победило, и он чуть прибавил скорость. Проходя мимо проулка, густо заросшего побегами сирени, полынью и лебедой, он взгляделся в темноту. Лунный свет выхватил силуэт, сидящий прямо на земле, спиной к глухому забору. На секунду Ленька решил, что человеку плохо – тот содрогался, хрипя и постанывая. Он притормозил и хотел уже подать голос, спросить, не нужна ли помощь, но в следующий миг они узнали друг друга. Рыдающий в переулке парень просипел:

– Вали отсюда.

И Ленька свалил, не возражая. Чуть позже, когда все откроется, он вспомнит, что парень, кажется, терзал в руках цветочный ком, похожий на веночек с волос Королевы лета.

* * *

Стрелки часов тащились по кругу мучительно долго.

Бабе Ляле казалось, что с каждым «тик-таким» лопаются по меньшей мере сотня ее нервных клеток. Зря она в это ввязалась. Но как откажешь Рогатой Матери? Жить ей, что ли, надо-

ело? Или сын у нее есть запасной или внуки? Да и Маринка клялась, что никто ни о чем не узнает.

Кружка с чаем тряслась в руке, уже вторая. Плохо для ее больных почек – столько крепкого чая дуть. Тем более что она даже вкуса не чувствовала. Эти часы ожидания убьют ее здоровье сильнее, чем последний десяток лет.

Страшнее ждать было только тогда, после Большого Пожара. Но все обошлось. Рогатая Мать всех защитила.

Воспоминания съели еще с полчаса. Она даже немного задремала, уткнувшись в мягкий бок старого кресла. Кружка выпала из расслабленных пальцев и, звеня, покатила по дощатому полу.

– А! – Подпрыгнув, сторожиха метнула взгляд на часы. Половина третьего. Времени прошло достаточно, даже с запасом. Все закончилось. Пора возвращаться.

Жила она в Школьном переулке, в двух шагах от работы, что бабу Лялю более чем устраивало. В ночную, а иногда и дневную смену, особенно когда директриса в отъезде, ничто не мешало ей сходить домой перекусить, немного отдохнуть или даже полить огород. Но сегодня она оставила пост не ради отдыха, поэтому торопилась вернуться быстрее обычного, изо всех сил семеня толстыми короткими ножками. Резиновые калоши громко шаркали в ночной тиши, и сторожихе казалось, что весь поселок слышит ее бег. И вот-вот разоблачит ее отсутствие.

Самая короткая ночь в году подходила к концу, и ночная мгла уже готова была раствориться в предрассветных сумерках. Идя по улице, баба Ляля различала знакомые силуэты домов, соседствующих со школой, из-за густых березовых крон выглядывала крыша ДК. Она повернула налево, через короткую дорожку – к воротам школы.

Центральная калитка была распахнута, и на фоне ярко освещенного крыльца покачивался, свисая с козырька, какой-то куль. Женщина замерла, приглядываясь. И медленно двинулась ближе.

– Вот ироды! – пробормотала баба Ляля. – Чучело, что ли, подвесили? Опоздала чуток, и уже нашкодили, сволочи! Уж попадись мне!

Но сделав еще пару шагов, сторожиха обомлела. Куль был наряжен в белое платье, залитое красным, а лицо скрывал большой растрепанный венок, нацепленный на волосы.

Прошло не меньше минуты, прежде чем бабка-сторожиха поняла, что над школьным крыльцом болтается Королева лета. Похрипев, как старый глохнувший жигуленок, баба Ляля начала медленно заваливаться на бок.

* * *

Уже светало, когда Ленька, волоча рюкзак в опущенной руке, побрел от трассы в сторону дома.

Зря только бегал по пустому центру – дискотека закончилась, клуб и школа угрюмо молчали, нависая над Юмаково мрачными громадами. Он даже никого из знакомых не встретил. Оставалась глупая надежда, что они снова разминулись и Майя пришла-таки в назначенное место – к трубе. Но когда он вернулся, то никого не обнаружил. Подождав еще добрых два часа, он понял, что ждать бесполезно. Майя не придет. Что еще более странно – ее телефон отключен, либо – об этом Лене даже думать было страшно – она кинула его, Леньку, в черный список. Но почему? Что случилось?

«Самое простое объяснение обычно самое верное», – думал Ленька, волоча рюкзак в опущенной руке так, что тот шаркал днищем по пыльному асфальту. «Стопудово она просто спалилась, и ее закрыли дома. А Сашке померещилось спяну». И ему тоже померещилось? Ведь он явно видел Майкин силуэт и сарафанчик этот ее дурацкий, красненький.

Шум на главной улице вытряхнул Леньку в реальность. Он прибавил шагу, подходя к перекрестку. У школы стояла толпа, слышались визгливые рыдания. Во дворе – скорая и... полиция? Увидев Степу и Сашу, Леня замешкался. Что сказать, если спросят про рюкзак? Не проще ли смотаться домой, пока его не заметили? Но любопытство победило, и он подошел к друзьям.

– Что там такое?

Степа бросил на него беглый взгляд, не обратив внимания на рюкзак.

– Таньку Япрынцеву убили, прикинь!

– Что?! Как?

– Зарезали. Говорят, просто в фарш... Как теленка освежевали...

– Заткнись! – не выдержала Саша. – Мы о человеке все-таки говорим!

Все мысли моментально выдуло из головы точно порывом холодного ветра. Леня почувствовал, как леденеют руки, а к горлу подкатывает предательский ком. Таня. Отрешенная улыбка, взгляд с поволокой – точно у какого-то неземного, нездешнего существа. Танька-русалка, хрупкая изломанная линия, нежная, как бабочка-однодневка, которую так хотелось посадить в банку, гладить осторожно крылышки и держать при себе... Упорхнула, улетела. Но в этот раз – так далеко, что уже не достать... Больше не полюбоваться, не услышать ее тихий манящий смех... Таня...

– Кто? – Голос прозвучал хрипло, и Ленька кашлянул.

– Говорят, придурок Бероев. Они поругались на банкете, оказывается. Еще до дискотеки. Он там был со своим папашей, а она – ну на правах королевы, типа.

Бероев?

– Он же любил ее.

– А она его отшивала! Вот и решил, мол... Я тебя полюбил, я тебя и убью! Или как там?

– Ой, заткнись лучше! – снова встряла Саша. – Ничего еще не ясно. Не верю я, что Димка на такое способен. Он, конечно, тот еще говнюк, но чтоб вот так... Это же садизм. Ее тело над крыльцом подвесили! У гондона, который это сделал, явно крыша течет!

Леня разглядел, что двери в кабину скорой помощи открыты и там сидит какой-то темный сторбленный силуэт, напоминающий мешок картошки.

– Кто там в скорой?

– Баб-Ляля. Она Таньку в школу пустила вещи забрать и пошла на обход. Ну и подумала, что Танька вышла, пока она по территории ходила. А когда под утро выглянула во двор, то увидела тело. Ну и поплохело старушке. Ничего, полегчало уже. Даже в больничку не поехала.

– А чего все тут стоят-то?

– Полиция ищет возможных свидетелей. Учителей, Танькиных подружек – всех опрашивают.

– Хотят найти по горячим следам, – пробормотал Ленька понимающе. Он много чего знал о работе полиции, спасибо стопке детективов, проглоченной меньше чем за полгода.

Леня попытался заглянуть за школьный забор поверх голов. Из дверей как раз вышла Неля Лукманова в сопровождении родителей, и он почувствовал жалость: зареванная, трясущаяся, бледная. Понятное дело, Танька ее лучшая подруга. Толпа почтительно расступилась, но кто-то все же не справился с любопытством:

– Неля, расскажи хоть толком, что случилось?

Зульфья Юнусовна, училка по биологии. Старуха совковой закалки, из тех, кто ничего не слышал про выражения «чужие границы», «ребенок – тоже личность» и так далее. Ее девиз по жизни звучал как «Учитель задал вопрос!».

Неля остановилась, обвела толпу блуждающим взглядом и сказала:

– Это Плачущая Эльза. Я ее видела.

Толпа ахнула, кто-то из парней – Ленька не видел, кто именно, – насмешливо фыркнул. Мать подтолкнула Нелю вперед.

Леня понял, что, потрясенный страшными новостями, совсем забыл о Майе, и оглядел толпу. Может, она что-то увидела, когда шла к мотелю, и испугалась? А может – увидели ее?..

– Майи здесь не было, случайно? – небрежно спросил он.

– Не видал.

– Так она не уехала, что ли? – гнула свое Саша.

Леня пропустил вопрос мимо ушей.

– А Камилы?

Камила – Майина сестра, кому знать, как не ей. Но в толпе ее не было. Степа тоже покачал головой – нет, не видал.

– Вон Асия Рауловна.

Мать Камилы и тетя Майи работала школьной библиотечаршей. Эта нелепая, чересчур добрая, заискивающая даже перед учениками, блеклая женщина вызывала у Лени чувство жалости. В деревне знали, что муж ее лупит, как напьется, и гоняет по всему двору. Девчонкам тоже доставалось, и Асия Рауловна даже не заступалась за них. Но Майя ее любила.

Подходить к ней Ленька не решился. Мало ли что произошло, вдруг спалится.

Толпа редела. Саша зевнула и заявила, что идет домой, Степа решил проводить ее, и они попрощались. Никто не обратил внимания на Ленькин рюкзак. Он топтался в народе, сам не ведая, для чего. Может, надеялся увидеть Майю или Камилу, у которой можно было что-то узнать. Или же место Таниной смерти не отпускало его. На низком заборчике у клуба заметил бело-зеленую спортивную кофту – такая только у Степки. Бросил тут и забыл, раззява.

Леня поднял «олимпийку» и перекинул через локоть – все равно вечером встретятся, если не раньше, как усидеть дома, когда тут такие новости! – и побрел в свою сторону. Леня уже завернул в безлюдный проулок, как из кармана Степкиной куртки вдруг выскользнула тонкая серебристая змейка – цепочка из крошечных звеньев, парни такие не носят. Леня на ходу вытащил украшение. Длинновата для браслета, такую только на шею. С маленьким кулоном в виде пузатого сердечка.

Он сразу узнал эту вещь.

Слишком уж часто сердечко качалось в вырезе Таниной блузки.

* * *

Матери дома не было, но она, скорее всего, просто выбежала к соседке обсудить случившееся, вот-вот вернется и будет допекать его вопросами. Хотя он и сам не прочь был узнать, что случилось на банкете между Таней и Димой Бероевым. Что Танька вообще там забыла? Туда же приглашали только юмаковскую верхушку да работников СПК, которых награждали за хорошую работу. Мать вот позвали в этом году.

Леня засунул рюкзак под кровать, решив, что разбирать его еще рано. Подумав, сунул туда же и олимпийку, застегнув покрепче карман с цепочкой. Он пока не решил, что делать со странной находкой, тут надо подумать.

Пожевал бутерброд с колбасой, не почувствовав вкуса, и решил отправиться к Майе – будь что будет! В конце концов, он ее парень, это всем известно, ну пришел ни свет ни заря, какая в этом странность? Тем более вся деревня на ушах.

Неужто Бероев убил Таню? Простая и очевидная версия обычно самая верная. Стив Корелла из его любимой детективной серии частенько говорит, мол, ответ все это время был буквально у нас на глазах! Таня... Даже не верится, что ее нет. Вот ведь несколько часов назад отплясывала на дискотеке, сама жизнерадостность! И даже не подозревала, что смерть дышит ей в затылок...

От этих мыслей стало совсем тошно, и Ленька, небрежно поставив кружку с недопитым чаем в раковину – влетит ведь от матери, что не помыл за собой! – бросился на улицу.

Майя жила на главной улице, от Ленькиного дома – минут десять по заросшему травой узкому переулку. Перешел главную дорогу – и вот ты уже стоишь по шею в крапивных зарослях перед ветхим серым забором из широких досок. За забором – маленький дом в облупившейся зеленой краске, заросли черемухи, а больше ни черта не видно. Самый бедный дом в Юмаково, соседям с их аккуратно выкошенными лужайками и цветниками у забора – как бельмо на глазу.

Майя поселилась тут осенью, года еще не прошло. Она переехала в Юмаково после того, как погибли в автокатастрофе ее родители и единственная родственница, тетя Асия, оформила опеку и забрала племянницу из города к себе. Леньке всегда казалось, что это стало для Майи вторым страшным ударом. Она была достаточно взрослой и самостоятельной, чтобы остаться жить в родительской квартире – у себя дома! – в Арслане, и тетка могла бы лишь формально ее «опекать». Всего-то год до совершеннолетия! Но выбора Майе не предоставили. Все ценные вещи вывезли или продали, городской хате нашли квартирантов, а племяннице-сироте – закуток в своей хибарке. «Зато не одна, с семьей», – приговаривала тетя Асия и гладила бледную Майю по черным завиткам волос. Впрочем, Леньке ли жаловаться? Не появись тут Майя, так и болтался бы, как снулая рыба, безуспешно пытаясь поймать эту красивую бабочку, легкую и пуголоую. Хотя чего уж теперь...

Повернув большое чугунное кольцо, поднимавшее затвор, Ленька приоткрыл калитку и скользнул в образовавшуюся щель. Все же страшновато. Дядя Майи – злобный алкаш, тиранивший все семейство, к Леньке относился с ревнивым подозрением. «Снова тут шастаешь!» – самое доброе приветствие, которое Леньке посчастливилось услышать. Если он еще и с похмелья – недолго и леща поймать!

Ленька медленно пошел по тонкой тропинке двора к крыльцу, кривовато прилепленному к дому.

В окне вдруг мелькнуло белое личико с большими глазами, взметнулся черный поток волос – Майя! Она махнула рукой и тут же скрылась в глубине дома, а Ленька приободрился. Но когда открылась дверь, то душа снова тоскливо заныла. На крыльцо вышла Камила. Он перепутал. Майя и Камила слегка походили друг на друга, но старшая все же повыше ростом, более хмурая и угловатая. Разница в четыре года, но Майя как будто быстрее «оформилась». Собственно, на приятные формы Ленька и клюнул изначально, так хотелось прижимать ее к себе!

– Привет. – Камила улыбнулась, зажмурилась на солнце и спустилась на дорожку. Ленька уловил запах перегара. Все вчера хорошо поддали, кроме него. Торчал в этой трубе, как идиот, и все пропустил, даже убийство Япрынцевой.

– Майя дома?

– Уехала в Арслан, вчера еще. Бабку навестить. Та совсем плохая, мамка говорит, помрет скоро.

И три раза пожала плечами – на каждое из сказанных предложений. Ленька молчал и не отводил взгляд. Девушка закатила глаза, схватила его за руку и потащила к калитке, за забор, в заросли крапивы. Оглянувшись на пустую улицу, торопливо зашептала:

– Ладно, вижу, ты не дурак и не купишься на эту чушь. Но батя не должен ничего знать, ясно? Он убьет мамку! Скажет, она недосмотрела! А Майка побегает и вернется. Она после того батиного запоя, наверное, в себя не пришла...

– Ты о чем?! Где Майя?

– Сбежала она! Ночью, походу, на последнем рейсовом из Кумера! Вещей нет, у мамки из кошелька пятихатку выгащила – последние деньги! Ладно, хоть у меня заначка есть. Да и видели ее у мотеля. Уехала, наверное, в Арслан. Может, к подруге какой...

Ленька молча обдумывал, сказать ли Камиле, что вообще-то они собирались сбежать вместе. И он не понимает, почему Майя его бросила.

– Она бы мне сказала.

Камила усмехнулась и посмотрела на него с жалостью.

– Она тебя использовала. Нужен ты ей, городской телочке с приданным в виде недвижимости! Сама мне говорила, что она с тобой так, просто поразвлечься...

Врет. Не могла Майя так говорить.

– Ты про Япрынцева слышала?

– Конечно! Мамку час назад еще в школу вызвали. Допрашивают всех подряд...

– Может, и с Майей что случилось? Может, она что-то видела... Мне кажется, надо заявить в полицию.

Теперь она схватила его за обе руки и затолкала еще глубже в заросли.

– Не вздумай, понял? Ты знаешь, что опека с родками сделает?

Перестанет выплачивать пособия?

– Мамку и так каждый раз сократят грозятся! А тут – такое! Довели сиротку до побега! Знали бы вы, что за штука эта Майя!

В черных глазах Камилы металась злобная бесенята, да и сама она походила сейчас на бисуру⁷ из страшных башкирских сказок – черные длинные волосы, тонкие губы презрительно искривлены, за ними – ряд мелких, как у жуки, зубов.

– А что ты предлагаешь? Делать вид, что ничего не произошло?

Камила выдохнула и отцепилась от Ленькиных рукавов.

– Ну найди ее, отважный Ромео! Раз у вас такая любовь... Убеди вернуться. К тебе хотя бы, если не к нам. Сучка неблагодарная... Короче, никто ничего заявлять не будет. Мы будем говорить, что она гостит у бабушки в Арслане, и тихонько ее искать. Мамка сейчас вернется – поедет с ней в город. Ты сидишь и не отвечаешь. Поддерживаешь нашу версию. Понял?

Ленька неторопливо поправлял футболку, бросая на Камилу холодные взгляды. Внезапно она расплакалась и уткнулась в его плечо, как бодливая коза в оградку загона.

– Ну Леня... Нам хана с мамкой, если полиция начнет расследование... Это же пипец, такой скандалище! Родня довела племянницу-сироту до побега... Что о нас говорить будут? Вдруг багю посадят?

– Глупости не говори... Никто никого не посадит...

Леньку страшно смутили ее слезы, тем более Камила всегда выглядела такой жесткой и уверенной в себе! Она – взрослая девушка, тусуется с компанией старшаков и считается там одной из «центровых» девчонок. И вот – плачет у него на груди! Он даже попытался ее приобнять, но тут она выпрямилась.

– Если не найдется в ближайшие дни, конечно, пойдем в полицию. Все равно они сразу не бросят ее искать. Они вон все Япрынцева заняты. Скажут, сбежала и сбежала... Узнали, кстати, кто Япрынцева?..

– Говорят, Бероев.

Камила хмыкнула.

– Этот «золотой мальчик»? Кишка тонка! Ну ладно, скоро батя очухается, надо идти завтрак собирать... Нажрался вчера в дымину... Майка, поди, из-за этого и убежала. Вернется через пару дней, вот увидишь! Она давно в этот Арслан рвалась. К подружкам.

Камила утерла щеки и скрылась за забором. Стукнул затвор. Ленька выбрался из зарослей и побрел в сторону дома, думая о том, что вопросов теперь только прибавилось.

---

⁷ Бисура – персонаж низшей мифологии тюркоязычных народов (башкир, татар), представляющий собой домашнего духа, аналог славянской кикиморы.

Глава 3

Матери все еще не было, но Ленька твердо решил ее дождаться, чтобы узнать, что произошло на колхозном банкете. Свалившись на кровать, он попытался привести мысли в порядок. Может, он что-то упустил? Может, Майя не так поняла план? Но они же все детально обговорили! И вчера – на празднике, и вечером до, когда он пришел на берег. Кстати, там же была и Таня, и Бероев, да и вообще вся «честна компания», как говорила мать о его друзьях. Она не знала, что никаких друзей у Леньки, по сути, не было.

Усевшись поудобнее, он начал вспоминать вечер накануне Дня земли, когда они с Майей договорились встретиться на речке. Вдруг он тогда упустил что-то важное? Первое, что вспомнилось, – как он психовал, собираясь на эти посиделки.

После долгого дня, на протяжении которого он чистил сарай и курятник, качал воду в огородную бочку, долбил мотыгой черствую землю между рядами картошки, последнее, что ему хотелось, – это тащиться на реку и терзать уши блатными песнями под треньканье плохо настроенной гитары. Лучше бы полежать в прохладном чуланчике на старом диване и почитать о крутых американских копах из 87-го полицейского участка, которые лихо расследуют убийства сбытчиков и проституток, разбираются с сицилийской мафией, гнездящейся на улицах Чикаго, и вообще ловко выпутываются из всяких передраг. Кипа этих книг, американских детективов, написанных Макбейном, Чейзом, Стаутом и другими совершенно немодными сейчас авторами, лежала тут же, в чуланчике, который в летнюю жару заменял Леньке комнату, прямо на полу. Ленька называл эту книжную горку «отцовской библиотекой» и не позволял матери пустить книги на растопку бани. Эти старые американские детективы, изданные еще на заре девяностых, – единственное, что осталось от отца. Не было больше ни фотографий, ни писем, и даже воспоминания тускнели с каждым днем, а мать отказывалась освежать их. Она про отца вообще не говорила, словно его и не было в их жизни.

А вот Ленька не хотел его забывать. Отец ушел, когда ему было шесть. Отвел сына в первый класс, напился по этому поводу, поругался с матерью, собрал вещи и ушел – прямо так, в ночь, с какой-то одеждой, закинутой в пододеяльник. И больше не появился. Остались только его книги, которые, по словам матери, он читал зимними вечерами, когда дел по дому особенно не было. Если не бухал, конечно.

Иногда в книжках Ленька находил отцовские закладки: фантики от ирисок, автобусный билет еще советского образца, один раз даже игральную карту – туз бубен. Ленька складывал все находки в ящик стола, а карту положил в свой кошелек, в прозрачный отдел, куда другие суют фотографии или бумажные иконки. Он решил, что теперь это его талисман. Ему нравилось думать, что эти фантики и билеты – подсказки, которые оставил ему отец. Расшифровав их, он получит какой-то важный ответ. Например о том, куда папаша делся и почему ни разу не вспомнил о сыне.

Впрочем, все эти детские игры пора бы оставить в прошлом. Понятно, что отец был алкоголиком и до семьи ему не было никакого дела, вот он и ушел. И сгинул, поди, уже где-нибудь в подвалах Арслана. А бумажки в книгах – это просто мусор, и бережно хранить его не стоит. И вообще, важнее всего сейчас – Майя и то, что они с ней задумали. Скоро наступит время, когда ему будет совершенно не до книг.

Он думал обо всем этом, подходя к берегу. Большая и разношерстная компания сидела вокруг костра на поваленных деревьях, брошенных на землю кофтах или просто на траве. Майе посчастливилось урвать местечко на краю старого бревна, почти у воды. Даже в сумерках, спустившихся на речную низину, он разглядел, как зарумянились щеки Майи, когда она заметила его. «Цыганочка моя!» – удовлетворенно подумал он, ощущая, как по нутру разливается приятное тепло. Она любит его, Ленька знал наверняка. Это обожание сквозило в каждом ее жесте.

Хорошо, что он тогда выбрал ее, синицу в руках, так сказать. А тот журавль, как надеялся Ленька, еще попадетя в чьи-нибудь коварные силки. Еще наплачется.

– Привет! – Черные глаза Майи на загорелом лице сияли как звезды. Она поднялась с поваленного дерева и потянулась к Леньке. Он обнял ее, вдохнув терпкий и сладкий запах ванили – ароматизированный спрей для волос, который он подарил на Восьмое марта. Заказал по какому-то каталогу у Сашки Бондаревой, которая банчила этой косметикой. Запах ему не нравился.

– Как дела? – спросил он, разглядывая публику – одноклассницы Майи, но никак не подруги. Парочка парней из его бывшего класса. Удивительно, что Майя сидит среди них. Он знал, что Нелька Лукманова обижает ее, остальные и вовсе не обращают внимания. – Что ты здесь забыла? – добавил он тише.

Она улыбнулась и пожала плечами:

– Дома трындец. Дядя пьяный в дым, мы с Камилой быстренько свалили. Она там, со старшаками. С ними еще скучнее. А тут хоть Нелькины страшилки можно послушать.

Да уж, Лукманова тот еще местный фольклорист. Эти истории он знал с детства, но у Нельки была особенность – всякий раз добавлять новых деталей, так и казалось, что слышишь эти сказки впервые.

Ленька присел рядом, незаметно разглядывая публику. Япрынцевой не было, Бероева тоже, зато была Сашка Бондарева, уже хорошо поддатая. Она радостно замахала ему рукой и поделилась банкой пива.

Нелька между тем начала вещать:

– Ее называют Плачущей Эльзой...

– Эльзой? Как Эльза из «Холодного сердца», что ли? – хихикнула Дарина.

– Сама ты... из «Холодного сердца». Наша Эльза пострашнее будет. Это было давно, лет сто назад. Может, восемьдесят... Короче, не суть. Эльза жила здесь, и говорят...

– Где это – «здесь», на берегу реки, что ли?

– В Юмаково, дурища! Еще раз перебьете, не буду рассказывать! – Нелька возмущенно замолчала и отвернулась, мол, вот так вот – не буду, и все!

Девчонки примирительно заныли: ну дава-а-ай! Хотя эту байку о Плачущей Эльзе все слышали сто пятьсот раз.

– ...две дочери, прекрасные, как весна! И с богатым приданым к тому же. Все деревенские парни к ним сватались, но Эльза – она была уже вдовой – не подпускала к своим дочкам разную деревенскую шелупонь. Она хотела, чтобы ее умницы-красавицы вышли замуж за каких-нибудь дворян, ну или на крайний случай – купцов из города...

Ленька хмыкнул. Восемьдесят или даже сто лет назад Эльза вряд ли могла мечтать о зятее-дворянине. О командире Красной армии вот могла! Или об ударнике-рабочем. Или о председателе колхоза. Нелька и история – явно несопоставимые вещи. Он бросил взгляд на Майю, надеясь, что она тоже посмеивается над этим провалом. Но та слушала как зачарованная.

– ...без роду, без племени да еще и эк! Убил по пьяни своего дружка и загремел в тюрьгу. Но сколько бы Эльза его ни спраживала, он все равно ошивался возле младшей дочки – люблю, мол, хоть ты лопни, хоть ты тресни! Сказал – моя будет, и все тут!

Вечер, однако, славный, с реки веяло прохладой, и Леньку, набегавшегося днем по жаре (пришлось полоть огород, собирать чертову клубнику, таскать воду в баню – все как всегда), как будто разморило. Не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать. Нелькина сказка – и та ублачивала.

– ...и тогда он схватил нож – огромный тесак, таким мясники на базаре туши рубят! – и ударил им несчастную Эльзу! О, но она умерла не сразу. Ей удалось вырваться – она выбежала из дома и хотела спрятаться во дворе, в сарае, но из ран сочилась кровь, и он нашел ее по кровавому следу. Тогда она бросилась к соседям, стала кричать и просить о помощи, но ворота

были крепко заперты – и у других соседей, и у следующих. Никто не вышел на ее крик. Никто не отворил засов. Они все испугались этого зверя, убийцы с огромным тесаком. Эльза бежала куда глаза глядят, и только луна жалела ее и показывала дорогу. Он настиг ее здесь, у реки. Прямо у моста. И резал, резал, в ярости молотом ножом как отбойным молотком. Умирая, Эльза прокляла его. И всю деревню, жители которой не пришли ей на помощь. И – сильнее всего – свою дочь, которая предала родную мать и согласилась на это страшное дело. А он выбросил тело Эльзы в реку. И с тех пор она здесь живет – прямо у моста, вон в той заводи. И иногда – раз в семь – десять лет – она выходит из воды, бредет по берегу и плачет от горя и боли. И если увидишь ее – это знак, что в деревню придет беда. Большая беда.

Девчонки потрясенно молчали. Хоть они и знали эту страшилку наизусть, все равно каждый раз судьба бедной Эльзы задевала их до глубины души.

– Интересно, а что случилось с другой дочерью?

Но не успела Нелька открыть рот, как последовал другой вопрос:

– А мне интересно, появлялась ли Эльза, когда случился Девичий Пожар? Или это было раньше?

– Нет, это было позже! – уверенно ответила Нелька, и никто не посмел спорить с главным «сэсэном».

– Что еще за Девичий Пожар? – спросила Дарина. Она была не здешней – приезжала из Арслана гостить к бабушке и тусовалась с их компанией первое лето.

Если история Плачущей Эльзы вызывала у Ленки будоражащее волнение, то в байку о Девичьем Пожаре он не верил и едва ли не фыркал, пока Неля расписывала ее в красках.

– Это было в тридцатые годы, когда только-только создавались колхозы. Сталин требовал много урожая – и плевать ему было на засуху или, наоборот, дожди – сдавай норматив, города требуют хлеба. А если колхоз не справлялся – разговор короткий: председателя и всю «головку» – к стенке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.